

Булгаков С.Н. Церковь и демократия filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Булгаков С.Н. Церковь и демократия.

Выступая впервые на этом съезде, который призван посылить выявить разум и самосознание поместной русской церкви, я испытываю потребность говорить прежде всего не о частных ее нуждах, но о самоопределении церковном пред лицом современности. Одним из камней преткновения на этом пути является здесь могучий духовный соблазн, вызывающий двусмысленности, смешения и подмены и настоятельно требующий устранения, разъяснения и договоренности. Таким соблазном для церковного самосознания нашего времени, духовным его идолом, бесспорно, является «демократия». Итак, речь моя будет о церкви и демократии.

Значение переворота, происшедшего в России, не ограничивается русской жизнью, он есть грандиозное событие и во всей мировой истории, ее всеобщий сдвиг. Весь мир изменился с русской революцией; появилось иное соотношение государств, иное самосознание империализма, иные задачи войны и мира. Это ясно для многих, для большинства. Но не для многих столь же очевидно, точнее, ни для кого почти не ясно, что центральное значение во всем происшедшем имеют изменения в судьбах русской церкви, внешние потрясения, зовущие ее к творческому выявлению подлинного лица, к брачному ее часу в истории. Все события русской жизни внутренне для нас осмысливаются их церковным значением. Приблизился страшный и ответственный час в жизни Православия, когда оно призывается, оставив одр свой, явить себя миру, показать ему свою единственность и красоту. Православие, мы верим в это, есть свет миру. Если Россия призвана сказать новое слово и обновить мир, влив в него новые духовные силы, то она может это лишь чрез Православие, поскольку явится оно в своей силе и славе. Судите же, как велика, до изнеможения велика ответственность, лежащая и на нас, здесь собравшихся, за то, что мы сделаем и чего не сделаем, и прежде всего за то, как осознаем мы себя и самоопределимся в Православии. Хотя в России немало происходит теперь многотысячных съездов, но поистине не может быть собрания, более важного и творческого. За то, что изнесем мы здесь из сокровища нашего сердца, мы отвечаем пред церковью, пред родиной, пред всем человечеством.

И прежде всего нам надлежит осознать церковную свою стихию в ее своеобразии и несмешанности, и в частности, надлежит точнее провести грань, устанавливающую различие между церковью и демократией, отвергнуть церковный соблазн демократии. Последний же возникает тогда, когда мы самую церковь начинаем мерить демократией, вместо того, чтобы эту последнюю судить по меркам церковным.

Возлюбленный ученик Христов Иоанн любовно предостерегал духовных чад своих: дети, храните себя от идолов (I Иоан. 5, 21). И это изрек он, конечно, и для всей церкви на все ее времена. Всегда подстерегает нас опасность идолопоклонства, хотя самые идолы и меняются в истории. Идолопоклонство связано с затмением церковного сознания и изменению высшим и безусловным ценностям ради относительных и условных, смешением временного и преходящего с пребывающим и вечным.

Когда церковь, после короткой и радостной поры первохристианства, вступила на суровую и трудную стезю истории, ее обстали соблазны смешений: царство не от мира сего и свыше мира сего смешалось с царством этого мира – повторилось как бы искушение в пустыне, растянувшееся на всю мировую историю. Много жертв принесла церковь ради этого соблазна, много ущерба потерпела. На западе таким соблазном явилась светская власть папы, притязавшего на оба меча, мирской и духовный, на востоке ту же роль играла священная империя православных царей. Там и здесь церковь ради этого облеклась в железо и латы. На западе загорелись костры инквизиций, и были объявлены ересью и ложью начала свободы для веры и мысли.

Благодаря этой скованности и насилию, в качестве протеста, зародился церковный мятеж реформации, которая отвергла, однако, уже не только соблазны и идолы, но и самую церковь, нанеся ей тяжелый удар. Реформация шла об руку с так называемым гуманизмом, который внушал человеку веру в свою неповрежденность и духовное здоровье. И становились уже не нужны ни искупление, ни благодатная помощь церкви, ибо гасло самое сознание греха в человеке. Тонкий духовный соблазн и подмен, не примеченный при возникновении, при дальнейшем развитии закономерно привел к грандиозным последствиям, среди которых мы и живем. И если для нас и теперь эти

Булгаков С.Н. Церковь и демократия filosoff.org
духовные подмены и смешения кажутся иногда неважными приспособлениями, не имеющими серьезного значения, то надо ведь помнить, что все великие исторические события прежде всего совершаются в мире духовном, зарождаются в человеческих душах, в их религиозном самоопределении.

На востоке, как и на западе, церковь стала недуговать государственностью вследствие недолжного смешения обеих этих областей. Как ни была глубока и значительна идея православного царства сама по себе, но все труднее становилось узнавать ее в истории, где монарх принимал обличие языческого Ксеркса, а на церковную жизнь тяжело ложилась казенщина. Соблазн церковный утверждался в неразрывной формуле: "православие и самодержавие", которые рассматривались как нерасторжимое и существенное единство. Но грянул удар грома, и от трона самодержавия остались одни щепы. Из книги живота оказалось изглажено это и, которым соединено было православие и самодержавие. И друзья и недруги видят, что православие остается теперь одно, без самодержавия, волей-неволей призванное опознать собственную свою природу.

Но здесь-то, на пороге новой эпохи, в трудную минуту исторической растерянности и смущения, нас опять подстерегает новый и вместе старый соблазн: отдаться новому господину, склониться пред новым идолом. Таким господином в наши дни является не самодержавный монарх, но самодержавный народ, демократия. И перед новым самодержавием привычным жестом сгибаются колени, за страх или за совесть. Однако не должно сгибаться вышему началу пред низшим, и не вместо церкви заискривать пред демократией. В сей час исторического испытания по-новому предостерегающе звучит нам слово апостола: "дети, храните себя от идолов"!

Без сопротивления сданы были старые позиции, которых некому оказалось защищать. Церковное общество с открытым сердцем пошло навстречу свободе народной, обещанной народовластием, оно слилось с народом в его политической весне. И вместо "истинно русских", монархических начал стали все чаще провозглашаться «демократические». В церковных кругах стала все настойчивей подчеркиваться приверженность православия к «демократии» и желание на все лады «демократизировать» православие; это почти становится требованием хорошего тона в наши дни. Пастыри и люди церкви в большинстве случаев искренне, не за страх, а за совесть идут с народом в его освободительном порыве. Ибо всегда была народна и жила с народом наша церковь. В ней нет того аристократизма князей церкви, воинствующего клерикализма и политиканства, которое отличало католичество, вызывая ссору государства с церковью. Православие есть, действительно, народная церковь, даже больше того: по бытовому своему укладу простонародная, мужицкая. Поэтому нет ничего странного и неожиданного в этом дружелюбии церкви по отношению к демократии.

Но именно потому и в тем большей степени существует для православия соблазн демократии, это готовность мерить себя по демократии, превратить ее в идола, в какого ранее превращено было самодержавие. Поэтому-то и надлежит настойчиво различать природу православия и демократии: между ними возможно и сближение, и расхождение, в зависимости от того, чем духовно оказывается демократия.

Смешению этих различных стихий благоприятствует и само строение православной церкви, которое извне легко сближается с демократическим, именно ее соборность. Соблазн демократии религиозно не существует для католичества, поскольку оно держится на власти клира, возглавляемого папой: подчинение и дисциплина скрепляют здесь тело церковное, торжествует монархическое начало, осуществляемое папой чрез посредство клира, а народ церковный остается безгласен. Хотя и в православии в полной мере признается иерархия, и епископат с клиром занимает необходимое место, однако единство церковное устанавливается не только иерархической дисциплиной, но и некоей силой, именуемой соборностью и определяемой как единство в любви и свободе. И вот эту-то идею православной соборности, при современной притупленности церковного самосознания, легко подменить или смешать с идеей народовластия, господства "воли народной" в делах церковных, такого же, как и в государственных. Разве не наблюдается подобное смешение теперь на наших церковных собраниях, епархиальных съездах и т. под., где вопросы решаются борьбой отдельных церковных групп, а соборность понимается как господство захватившего власть большинства? Такое проникновение начал демократии в церковную жизнь означало бы обеднение и обмирщение последней.

Церкви нужна свобода, которой лишена она была при старом строе. Если ей даст это благо демократия, она будет ей признательна, но что может прибавить церкви эта ее «демократизация»? Разве и без этого не была она с народом в его радости и печали? Или не народны были великие угодники русской церкви, преподобные Сергий и Серафим? Или не народны о. Амвросий Оптинский и другие чтимые старцы, которые блюли и блюдут совесть народную в такой мере, в какой это не снилось демократии? Нет, русскому православию нечему в этом отношении учиться у демократии, оно должно оставаться прежде всего самим собой во всей серьезной важности своего вероучения. Тем самым и чрез то оно и пребудет, если не «демократическим», то народным. Да и что же такое, наконец, есть эта демократия, к которой желает во что бы то ни стало приблизиться часть нашего церковного общества? Что представляет собой в религиозном смысле эта "воля народная", на которую теперь ссылаются как на высший и непререкаемый авторитет? Есть ли народ демократии именно тот самый народ, о котором говорит апостол, обращаясь к своей пастве: вы "род Божий, царственное священство, народ святой" (1 Петр. 2, 9)? Очевидно, еще нет, ибо демократия может иметь разное лицо, и воля народная способна определяться различно. Одна и та же «демократия» иерусалимская вопияла «осанна» и постилала ризы свои на пути при входе Господнем в Иерусалим, но она же несколькими днями позже изъясляла "волю народную" воплем: "распни, распни Его!". Очевидно, воля народная одинаково способна как вдохновляться истиной, так и затемняться ложью, доходя до зверства, тирании, кощунства. Суеверное преклонение пред "волей народной", лежащее в основе культа демократии, родилось из обожествления греховного человека, взятого в множественности или совокупности своей. Глашатаем этой веры еще в XVIII в. явился Руссо, веривший, что существует "общая воля", которая "постоянна, неизблема и чиста"; причем ее нужно только выявить или открыть всеобщим голосованием. Она, эта воля, обладает истинностью, она и есть самодовлеющий путь, истина и жизнь. Столь дерзновенно противопоставляется здесь непросветленная стихия народа Свету мира, который есть единственно Путь, Истина и Живот. Можно ли смешивать такое человекобожие с христианской верой? Это учение о непогрешимости человечества в его групповом, классовом или государственном объединении еще больше утвердилось в XIX в., особенно в Германии. Немецкий же дух влиял и влияет всего сильнее на русский социализм, им запечатлено самосознание и наших социалистических партий. Пускай и в науке давно уже возбуждает сомнения это учение о воле народной, однако в массах все еще неизбежно держится это самообожествление толпы. Но это самоослепление не должно иметь никакой убедительности для церкви.

Нет спора, что в своей собственной области, социальной и политической, демократия имеет свою правду и свои права. Голос большинства, подсчет голосов является единственным и сравнительно наилучшим средством для обнаружения народных интересов и нужд, и не следует подвергать сомнению этот смысл демократии и ее годность. По вопросам хозяйственным, социальным, правовым пусть решает народ большинством своих голосов. Но эта практическая целесообразность демократии нисколько не утверждает за ней священного или мистического авторитета, на который она притязает. Демократия может возвыситься до великого подвига, но может и опуститься до низкого озверения и тиранического буйства, и ее именем не может быть оправдываемо безбожие и кощунство, насилие и преступление. И насколько грешили те, которые поклонялись самодержавию монархов, как бы оно себя ни пятнало, столь же грешат теперь и те, которые поклоняются "самодержавию народа", в чем бы оно ни выразилось. Ибо и народ, и цари, должен творить не свою волю, а Божию, осуществлять чрез себя боговластие (теократию). Задачей церкви является поднимать, воспитывать демократию, приближать ее к достоинству "рода Божьего, царского священства", но не принижаться до нее во всей ее неопределенности и многоликости.

История нового времени знает разные типы демократии. Самый положительный это тот, который создан был английской революцией, происшедшей одновременно с реформацией и сопровождавшейся огромным подъемом религиозных настроений. Тогда и была заложена основа той силы и здоровья, которые отличают Англию и в наши дни: религиозные настроения англо-саксонского мира имели определяющее значение и при зарождении новой американской республики, основанной выходцами реформации. Например, есть другой тип демократии, который определился во враждебности к христианству: в XVIII в. так было во Франции, где великая французская революция сделала попытку заменить христианство почитанием богини Разума, а в XIX в. здесь получила определяющее значение германская социал-демократия с ее тупым и самодовольным атеизмом. И в душе русской демократии, несомненно, происходит теперь борьба из-за того, пойдет ли она с Христом или против Христа, в

Булгаков С.Н. Церковь и демократия filosoff.org
единомыслии с церковью или во вражде к ней, и имеется немало уже признаков и последнего.

Вот как сложны отношения, существующие между демократией и церковью, и это не позволяет нам прямо ставить между ними знак равенства. Церковь есть высшее, безусловное начало жизни, царство не от мира сего, хотя и имеющее задачей возвышать до себя мир, демократия же есть только природное человечество в греховном его состоянии, иногда просветляющееся и вдохновляющееся, порою же принимающее образ звериный. Она сама необходимо нуждается в руководстве духовном. Глубоко различны законы жизни в церкви, как обществе Божественном, и в демократии, как обществе человеческом. В первом имеет силу закон любви, самоотречения, послушания, во втором – солидарности интересов, борьбы за права и их разграничение. Церковь есть тело Христово, организм, состоящий из многих и разных членов. Хотя все едино во Христе, и не различается ни пол, ни народность, ни общественное положение, но все остаются при этом и глубоко различны, как органы тела, и стремление к равноправию, борьба за равенство разрушали бы церковь. Она иерархична сверху донизу в своем строении, и голос большинства тут отнюдь не имеет бесспорного значения, ибо один святой подвижник может значить здесь больше, чем множество рядовых ее членов. Для демократии же нет иерархии и личного авторитета, она стоит на страже равенства, утверждаемого правами большинства. Но пред лицом церкви нет у нас прав, а есть только обязанности: пред высшей правдой мы чувствуем себя как "рабы неключимые", призванные сотворить свою службу. Напротив, для демократии высшим началом является утверждение прав и охрана интересов.

Руководящим для нас примером да послужит самая радостная и светоносная пора в истории церкви – первохристианство. Было ли первохристианство «демократично»? Стремилось ли оно к "всесторонней демократизации" церковной жизни, как теперь? Известно, что по своему составу первохристианство было в высшей степени народно и даже простонародно – «демократично»: в составе его общин преобладали представители низших классов и даже рабы, бесправные и всюду пренебрегаемые. И, однако, здесь мы не наблюдаем чего-либо, напоминающего теперешнюю «демократизацию» с ее борьбой за права и стремлением к равенству. Ап. Павел увещевает каждого оставаться в том звании, в котором он призван, и памятовать об обязанностях, им налагаемых, для рабов одних, для господ других. Он предостерегает также, чтобы церковное равенство не становилось предлогом к равноправию, и таким образом "благочестие не служило бы для прибытка" ". Напротив, положение в церковной жизни определялось личным значением, и рабы могли занимать здесь и выше места, напр., епископа. Короче говоря, в первохристианстве отсутствует это смешение двух различных стихий: демократии и церковности.

Такого смешения следовало бы избегать и в русской церкви. Это не только соответствовало бы и ее высокому достоинству и духовной независимости, но было бы важно и для духовного здоровья нашей родины. А оно зависит и от того, насколько она уберется от темного идолопоклонства и сохранит верность Христу, Который сказал: не можете без Мене творить ничего же". Если грядущая Россия, ее же ищем, станет строиться без имени Христова, если демократия российская окажется в духовном разрыве со святою Русью, то какую же цену она имеет, кому она нужна, кому из нас дорога будет отрекаясь от Христа Россия? Но да не будет!
Итак, в сей смутный и трудный час истории нашей будем блюсти чистоту нашего церковного самосознания и особенно памятовать сердцем отеческое предостережение апостола любви: "дети, храните себя от идолов"!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!